Бухарин Н.И.
Итоги VI конгресса Коммунистического Интернационала.

М.-Л., 1928

ИМЛ—Библиотека
ЕН121
И981

EM121
И98И. 17

Н. И. БУХАРИН

ИТОГИ VI КОНГРЕССА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1928 ★ ЛЕНИНГРАД

ЕН 121
И 981

Н. И. БУХАРИН

ИТОГИ VI КОНГРЕССА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

ДОКЛАД
на собрании актива Московской организации ВКП(б)
5 сентября 1928 года

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1928 ★ ЛЕНИНГРАД

2 экз.

ОТПЕЧАТАНО
в 1-й Образцовой типогр. Гиза.
Москва, 17. Пятницкая, 71.
Гл. А—20038 А. 11. Гиз 28847.
Заказ 2871. Тираж 50.000.

ЕМ121
И981

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
при ЦК К.П.С.С.

СФ
991 442
35

1049929

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА VI КОНГРЕССА И ЕГО РАБОТ.

— Товарищи! Конгресс, который только что закончил свои работы, войдет, несомненно, в историю коммунистического движения как один из самых значительных по своему содержанию конгрессов. Порядок дня конгресса состоял из пяти вопросов: 1) международное положение и задачи Коммунистического Интернационала, 2) мероприятия по борьбе с опасностью войны, 3) программа Коммунистического Интернационала, 4) колониальный вопрос, 5) положение в СССР и в ВКП(б) и ряд более второстепенных вопросов, в том числе такие вопросы, как апелляции некоторых исключенных из Коммунистического Интернационала групп, прием новых партий и т. д. Конгресс был многочисленным по своему составу: в его работах участвовало около пятисот товарищей. Интересно отметить, как уже самый состав конгресса отражает его действительно мировой и действительно революционный характер. Если мы возьмем II Интернационал в лучшую пору его существования (штутгартский конгресс 18/24—VIII—1907) и сравним его состав с составом нашего VI конгресса, то получим такую картину:

	Общее число делегатов	Из них делегатов внеевропейских стран		Число делегатов зависимых колониальн. стран	
		Абсолютн. число.	В % к общему числу.	Абсолютн. число.	В % к общему числу.
Штутгарт	884	28	3	5	0,5
Москва	515	100	20	74	14,4

Таким образом, процент «внеевропейских» элементов на московском конгрессе был почти в семь раз выше соответствующего процента в Штутгарте, а процент представительства колониальных и зависимых стран в Москве в двадцать восемь раз превышает соответствующую цифру штутгартского съезда. Что касается теперешнего, брюссельского, конгресса II Интернационала, то на нем не было почти никакого колониального представительства, если не считать нескольких гостей, которые самым резким образом выразили свое возмущение «работами» конгресса по колониальному вопросу.

Работы конгресса длились сравнительно долго. По этому поводу венская «Рабочая газета» сочла уместным сделать даже донос международной полиции и лакированным щеголям империалистской дипломатии. В № 248 этой газеты, в статье «Мировой конгресс коммунистов» мы находим следующие перлы:

«Целых шесть недель заседал в Москве конгресс Коммунистического Интернационала; если располагать средствами большого государства, то можно легко позволить себе роскошь так долго длящегося конгресса с сотнями делегатов».

Отвечать на эти, как говаривал Маркс, «клопиные укусы» и на этот «литературный лай» не представляется необходимым.

Замечание по существу дела: задачи, которые стояли перед конгрессом, были настолько сложны и настолько обширны, что их нельзя было решить в более короткий срок. С другой стороны, ни на одном конгрессе не было развернуто такой большой внутренней работы, большой в том смысле, что каждый вопрос был действительно подвергнут коллективному обсуждению. Достаточно назвать некоторые цифры. По докладу, который стоял в первом пункте порядка дня (о международном положении и о задачах Коммунистического Интернационала), высказалось свыше 90 ораторов. Программный вопрос был проработан так, как ни один вопрос не прорабатывался до сего дня на наших конгрессах. Мы имели обширнейшие дебаты по программе на так называемой большой программной комиссии, в которой принимал участие почти весь конгресс и куда допускались все желающие «вольные стрелки», даже не члены конгресса. Но и по другим вопросам, скажем, по вопросу колониальному, по военному вопросу и т. д., была проделана очень крупная работа, которая в значительной мере не была видна во-вне, потому что большая часть ее прошла в комиссиях.

Если мы поставим перед собой вопрос об общем характере работ конгресса, то можно с полной уверенностью сказать, что работы конгресса, в связи с характером вопросов, которые стояли на повестке дня, были подняты на очень значительную принципиальную высоту. Уже один такой крупнейший вопрос, как вопрос о программе, должен был неизбежно поднять дискуссию на высокий уровень. Программа есть совокупность основных принципиальных положений. Это не политическая «однодневка», не такой вопрос, который сегодня набегает, завтра пропадает, сегодня вол-

нует умы, а завтра бесследно исчезает с политического горизонта. Обсуждение одного этого вопроса было бы вполне достаточно для того, чтобы дать соответствующую характеристику конгрессу. Многие товарищи так и ставили вопрос: лучше было бы ограничиться первым пунктом и вопросом о программе, потому что уже этих двух вопросов достаточно для работ целого конгресса. Действительно, если бы у нас была такая возможность, было бы целесообразно так и сделать. Но после V конгресса прошло изрядное количество времени. Нам нужно было подводить итоги за большой исторический период, за годы, которые были туго набиты первоклассной важности политическими фактами. Мы имеем перед собой такого рода важнейшее явление, как изменение характера общего кризиса капитализма; мы прошли через ряд грандиозных боев рабочего класса; налицо такое огромное событие, как великая китайская революция; изменилась резко вся хозяйственно-политическая карта мира, иначе сложились основные соотношения между державами капиталистического мира, между ними и колониями, между ними и СССР, за тот же период возмужала и окрепла страна строящегося социализма, ставшая перед новыми трудностями и новыми задачами; крупные перемены произошли и в стане наших врагов: и среди империалистов «чистой крови» и среди их социал-демократической агентуры. Таким образом то обстоятельство, что на VI конгрессе был поставлен программный вопрос, и то обстоятельство, что мы должны были подытоживать ход событий за большой исторический период и на основании этого намечать нашу тактику, — все это придало особо принципиальный характер работам VI конгресса.

2. ПРОГРАММА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

а) Форма программы.

Прежде всего останавливаюсь на вопросе о программе. В дискуссии по программе (в печати и на самом конгрессе) был поставлен вопрос о форме программы: должна ли программа быть длинной или короткой, должна ли она иметь форму манифеста или обычную форму, должна ли она быть популярной в самом широком смысле этого слова или это невозможно. Ряд товарищей выступал по этому вопросу с очень решительными и категорическими требованиями, которые можно было бы, примерно, формулировать так: программа должна быть максимально краткой, в несколько страниц; форма должна быть максимально точной; популярность программы должна быть такова, что, — как заявлял один из товарищей, — каждое ее слово должно быть понятно египетскому феллаху, т. е. самому забитому колониальному крестьянину. В защите этих требований некоторые товарищи ссылались на соответствующие замечания Маркса, Энгельса, Ленина. Но как ни соблазнительны и заманчивы были эти требования, они имели «только» тот недостаток, что оказывались

невыполнимыми. Нужно при этом, в интересах справедливости, отметить, что как раз самые ярые рыцари краткости, популярности и т. д. вносили такие предложения, которые ее удлиняли. Первоначальный проект, который был напечатан в «Правде», вышел из горнила конгресса после целого ряда добавлений, поправок, переработок и т. д. не укороченным, а удлиненным. Вся суть в том, что товарищи, которые требовали от нас таких хороших вещей, как популярность и краткость, нисколько не считались с тем, в какое время мы живем и программа какой собственно организации должна быть выработана.

До сих пор не было такого рода партийного документа, который формулировал бы идейную и тактическую установку совокупности всех партий, примыкающих к Интернационалу на основе массового революционного движения. Второй Интернационал на это не был способен и раньше, но в еще большей степени он стал неспособным к этому сейчас, потому что противоречия между отдельными его секциями настолько велики, что они не допускают даже постановки этой проблемы: международная программа заменяется здесь лишь пустой, бессодержательной и лживой декламацией. Следовательно, мы и на прошлых конгрессах (IV и V) и теперь делали, в сущности, первую попытку создания интернациональной программы. И именно это обстоятельство прежде всего делало невыполнимыми те требования, о которых говорилось выше. Нужно учитывать, чем должна быть наша международная программа. Мы живем в чрезвычайно сложных условиях. Мы живем в эпоху, когда картина международных и внутренних отношений крайне пестра, когда чрезвычайно причудлив их узор, когда миро-

вая революция, созревая на разных путях, по-разному развивается в отдельных странах, когда она уже победила в СССР. И в силу того, что конгресс вырабатывал программу для нескольких десятков партий, и притом именно программу, а не голое провозглашение нескольких общих «принципов», нельзя было уже по-старинке говорить, например, просто о капитализме: сам-то капитализм в Соединенных штатах находится на одной ступени развития, в Китае — совершенно на другой, в Польше или Испании — на третьей. Необходимо было учесть разные условия развития, потому что программа теперь, в эпоху борьбы за власть, должна содержать хотя бы черновую наметку условий борьбы, ее целей и норм по различным типам стран.

Все эти обстоятельства ясно показывают, что сейчас нельзя на «шести страничках» сформулировать программу Коммунистического Интернационала и что даже при относительно значительных ее размерах и при всех усилиях сделать ее наиболее популярной она не может претендовать на большую популярность: она нуждается в соответствующих разъяснениях, комментариях и т. д.; она предполагает целую серию брошюр, ей специально посвященных.

б) Мировой характер программы.

Что является осью всего построения принятой программы? Основной чертой в построении программы является ее мировой характер. Этого, разумеется, не могло быть в прежних типах программы, в программах отдельных, «национальных», партий. Программа Коминтерна характеризуется ее мировым мотивом, который пронизывает собой все построение программы от

начала до конца, от введения до заключительных звеньев документа. Это сказывается и на том, что программа рассматривает современный мировой капитализм не абстрактно, а конкретно. Она анализирует соотношения различных частей теперешнего мирового хозяйства, особо анализирует СССР, но во взаимной связи с враждебным ему капиталистическим миром. Когда она говорит о революции пролетариата, она подчеркивает международный характер этого процесса, и опять-таки характеризует его так, как он в действительности проявляется, то есть не как сплошной, одинаковый во всех своих составных частях, простой и несложный процесс, а как разнородный процесс, очень сложный, разновременно протекающий. Он разнороден, ибо он складывается и из пролетарских восстаний, и из колониальных мятежей, и из национально-освободительных войн. Он разнороден и разновременен, а вместе с тем, несмотря на это многообразие и разновременность в развитии своих составных частей, объективно-исторически он делает повсеместно одно и то же дело — дело разрушения капиталистического порядка, и в то же время в СССР он строит уже новый социалистический порядок. Мировой характер нашей программы подчеркивается и в характеристике нашей конечной цели — коммунистического общества. Программа говорит о мировой системе коммунизма, о распределении производительных сил по разным странам и т. д. Она говорит о мировой диктатуре пролетариата, складывающейся из его диктатур в разных странах, диктатур, которые не будут осуществлены сразу: в некоторых странах революция пройдет через целый ряд промежуточных ступеней, перерастая в революцию пролетарскую.

Для различных типов стран программа намечает различные этапы в развитии революционного процесса. Таким образом получается широкая картина развития международного революционного процесса с точки зрения его движения к мировой диктатуре рабочего класса. Этот мировой мотив программа подчеркивает и в своих «требованиях». Она выставляет различные задачи для колониальных стран и для более развитых стран, но это разнообразие задач отнюдь и ни при каких условиях не означает, что они ведут в разные стороны. Наоборот. Все они маршируют по одной дороге, по дороге к мировой диктатуре рабочего класса. В программе конгресс дал также и критику враждебных нам идеологий, гнездящихся еще, к сожалению, среди масс рабочего класса самых различных стран. Мы объединяем в своем революционном «международном товариществе» не только революционную часть европейских пролетариев; Коммунистический Интернационал раскинул свои щупальцы по всем странам, коммунизм начал проникать в отдаленнейшие уголки земного шара, в самые забитые слои международного рабочего класса и трудящихся масс вообще. Поэтому наша программа, в отличие от старых программ, которые были главным образом программами европейских рабочих, дает критику даже таких течений, как сун-ят-сенизм в Китае, как гандизм в Индии, гарвизм среди негров США. Наша программа является обобщением революционного опыта не только индустриальных рабочих Европы и Америки, но и опыта китайского пролетариата, и первых шагов индийского рабочего движения, и опыта тех слоев пролетариата, к которым социал-демократы относятся как к слоям, стоящим вне рядов «цивилизованных» рабочих.

В августовском номере теоретического органа австрийской социал-демократии «Der Kampf» («Борьба») помещена передовая статья, смысл которой состоит в том, что социал-демократы, видите ли, готовы принять в «духовное содружество» даже пролетариев отсталых колониальных стран. Это — точка зрения европейского барина, который, брезгливо морщась, решается и «чумазого» пустить к себе в дом. Наша же точка зрения есть точка зрения революционеров, которые отлично понимают, что без вовлечения широчайших масс рабочего класса и трудящихся всех рас, всех континентов в общую революционную борьбу нам не свалить международного империализма, что наша величайшая сила, гарантия нашей окончательной победы заключается именно в том, чтобы опрокинуть на империалистов огромную человеческую лавину угнетенных и подавленных колониальных масс.

Итак, мировой мотив нашей программы есть основной принцип построений всей программы Коммунистического Интернационала. Наша программа по своему содержанию есть программа борьбы за мировую диктатуру пролетариата.

в) Наша программа — программа борьбы за мировую диктатуру пролетариата.

В «Любови Яровой» есть революционный матрос, у которого все происходит «в мировом масштабе». (Смех.) В этой комической характеристике — «в мировом масштабе» — заложен тем не менее большой революционный пафос, который выражает то, что уже сейчас волнует значительную массу международного рабочего класса.

Мы рассматриваем нашу задачу проведения мировой революции как практическую задачу. Мы решаем ее в условиях общего капиталистического кризиса, на почве уже существующей пролетарской диктатуры в СССР и на основе массовых колониальных движений. В этой оценке современной эпохи как эпохи борьбы за мировую диктатуру пролетариата состоит водораздел, который отделяет нашу программу от программ всех реформистских социалистических партий.

Еще в начале войны, когда так жалко и так позорно капитулировала «международная» социал-демократия, одним из крупнейших социал-демократических теоретиков, Генрихом Куновым, была написана брошюра, которая ставила своей целью разделаться со всеми остатками революционных «иллюзий» некоторых кругов довоенной социал-демократии.

В этой брошюре Г. Кунов ставил вопрос примерно так: разговоры о близости социализма не имеют под собой никакой базы; капитализм находится еще в расцвете своих сил; есть еще много стран, где капитализму предстоят новые и новые завоевания; надо смотреть на вещи трезво; даже мировая война вовсе не является предвестником краха мирового капитализма; война повлечет за собой новый период громадного и повсеместного размаха капиталистического развития; капитализм только-только вступает в настоящую полосу своего процветания и могущества. Не может быть и речи о борьбе за власть: это утопическая иллюзия фантастов.

Теория Г. Кунова была самой подходящей теорией для того, чтобы теоретически «оправдать» все гнусности социал-демократии. Казалось, вся послевоенная полоса развития навсегда сдала в архив эту теорию. Но вот, после большого промежутка времени, эту теорию

повторяет уже не Кунов, который был и является правым социал-демократом, а «левые» социал-демократы австрийского толка.

В журнале «Кампф», о котором я уже упоминал, в номере, посвященном брюссельскому конгрессу Второго Интернационала, помещена статья, в которой эта куновская теория повторена полным голосом. Позвольте привести одну цитату из передовой статьи этого журнала. Ее автор, некий Оскар Полляк, пишет:

«Капитализм преодолел потрясения военного и послевоенного времени. Мир после мировой войны стабилизировался. На Дальнем Востоке, на чудовищных пространствах, происходит чудовищное событие национальной революции. Через Азию, опрокидывая древние и старинные культуры, шествует промышленная революция, которая включает эти исполинские области в капиталистическое мировое хозяйство. Народы, насчитывающие сотни миллионов людей, переживают буржуазную революцию, борются за национальную свободу и самостоятельную государственность. В процессе становления буржуазного общества пробуждается пролетариат и робко делает свои первые шаги к тому, чтобы конституировать себя как класс. Весь европейский Восток, с огромной Россией впереди, пережил переворот в распределении земли. На территории, где живет две пятых европейского человечества, аграрная революция разбила феодальную поземельную собственность, провела в новых государствах буржуазную революцию и пробудила к политической жизни класс крестьян, который раньше не имел истории.

В Средней Европе рабочий класс завершил начатую в 48-м году буржуазную революцию, опрокинул компромисс капиталистической буржуазии с феодальной монархией, создал под давлением рабочего класса демократическую республику.

В Западной Европе, в странах старой демократии, где буржуазная революция уже была закончена раньше, где была завоевана полная политическая свобода, мировая война не произвела никаких изменений (!!) в области хозяйственного или государственного порядка. Капитализм остался непоколебленным. В долгом процессе своего подъема рабочий класс борется за большинство и за власть.

А там, за океаном, растет, бушует, вооружается новая держава. Американский капитализм пенится через край силой и богатством, американский империализм выходит за границы Соединенных штатов и пытается хозяйственно и политически завоевать мировое господство».

На первый взгляд здесь говорятся довольно хорошие вещи: революция на Востоке, опрокидывание поземельной собственности и уничтожение царизма в России. Но присмотритесь попристальнее, «в чем смысл философии всей». Смысл этой оценки нашей эпохи заключается в том, что никакой пролетарской революции нет и еще очень долго быть не может. За время войны и непосредственно вслед за нею произошло, по мнению почтенной «Борьбы», не что иное, как завершение буржуазной революции, т. е. того, что сделала Великая французская революция больше ста лет назад и английская революция еще в XVII столетии. Послевоенный период есть период за-

вершения буржуазных революций — и только. Ни о какой пролетарской революции в СССР нет и речи. То, что произошло в бывшей царской России, расценивается исключительно как аграрная революция крестьян против помещиков, рабочий класс отсутствует. Та же оценка дается и движениям на Востоке, смысл которых заключается-де только в том, что они расчищают путь капиталистическому развитию.

Чтобы хоть сколько-нибудь привести в согласие с действительностью эти оппортунистические положения, нужно, очевидно, предварительно изнасиловать эту действительность или важнейшие отдельные ее факты. Так и поступает социал-демократическая — и притом «левая»! — теория. Нельзя «отрицать» Октябрьской революции, — так отчего же не произвести ее в разряд буржуазных революций? Нельзя «отрицать» конфликтов между СССР и капиталистическими странами, — так почему же не зачислить их по ведомству конфликтов между империалистскими коалициями? Нельзя отрицать влияния СССР на колонии вообще, на английские колонии в частности, — так почему нагло не изобразить политику СССР как «продолжение» царской политики, устремлявшейся в Индию? И так далее, и тому подобное. Радикальное, глубочайшее различие во всей оценке эпохи, во всей оценке роли капитализма, в оценке СССР, а, следовательно, и во всей оценке задач рабочего класса, перспектив развития вообще, колониального развития в частности!

Характерно при этом, что в оценке капиталистического развития социал-демократы сейчас занимают с капиталистической точки зрения гораздо более оптимистическую позицию, чем крупнейшие идеологи самой буржуазии. Если не ошибаюсь, я на XV съезде цити-

ровал такого крупнейшего буржуазного ученого, как Зомбарт, который говорит, что капитализм уже дряхлеет, что у него уже «седые волосы», что у него уже «выпадают зубы». Такой экономист, как Бернард Гармс, специалист по мировому хозяйству, говорит, что Европа дряхлеет, что она напоминает древний Рим накануне его гибели. Профессор Мизес, о котором другой, тоже «первоклассный» буржуазный немецкий экономист, Адольф Вебер, говорит, что он «самый острый критик, которого когда-либо находило коллективное хозяйство» («Allgemeine Vollkswirtschaftslehre»), в своей работе по вопросу о коллективном хозяйстве, между прочим, пишет: «Мир приближается к социализму, потому что этого хочет огромное большинство людей». Профессор Шмаленбах (см. его статью: «Скованный капитализм» в «Фоссише Цейтунг», № 255) с сожалением констатирует огромный рост монопольного загнивания, паразитизма, растущего вырождения капитанов промышленности.

1049929

Вся эта плеяда буржуазных идеологов первосортной империалистской марки почитает своим долгом поохать и поахать по поводу кризиса капитализма, в то время как социал-демократические лидеры перешли все грани своих восторгов на предмет теперешнего «процветания» капитализма и его грядущих перспектив. Здесь все рекорды побил Карл Реннер (см. его статью «Мирохозяйственные основы социалистической политики после войны», «Der Kampf», 8/9). Он умиленно вещает:

СФ 99

«Не на руинах должен быть он (социализм. *Н. Б.*) воздвигнут, а как спелый плод перезрелого капитализма достаться пролетариату (курсив автора). Постоянно растущее богатство

БИБЛИОТЕКА

должно его принести вместе с собою, а не всеобщее обнищание! Социализм должен получить в наследство от капитализма не дом призрения для бедных, а рай».

Таким образом сперва капитализм должен создать для рабочих рай, а потом социализм должен этот рай унаследовать. Теперь становится понятным, почему райские птички капитализма, вроде экс-министра Реннера, так усердно строят этот капиталистический, с позволения сказать, рай. Но зато совершенно непонятно, по какой, собственно, причине нужно этому райскому капитализму переходить в социализм?

Таким образом наша программа, в полной противоположности с теоретическими основами социал-демократии, исходит из оценки всей эпохи как эпохи пролетарских революций, борьбы за власть, борьбы за диктатуру пролетариата.

г) Империализм, социализм и перспективы колониальных революций.

Что означает социал-демократическая установка? Она означает, что капитализм играет еще в высокой степени прогрессивную роль; что ему еще много нужно «поработать»; что перед рабочим классом отнюдь не стоит задача ломать шею капиталистическому порядку. Но отсюда же следует и программная установка II Интернационала в колониальном вопросе. С этой точки зрения является в высшей степени утопическим, глупым, нелепым даже ставить вопрос о том, что в колониях можно миновать и перепрыгнуть капиталистическую фазу развития или сократить ее до минимума.

Тезис о возможности некапиталистического развития колоний представляется величайшей ересью, бакунистским бредом, комнародничеством или, — как когда-то выражался Плеханов по поводу позиции Ленина, — «грёзофарсом», дикой помесью мечты и фарса.

Именно об этом сообщает нам гражданин Дан, столп и утверждение истины российского меньшевизма. В своей статье о брюссельском конгрессе II Интернационала («Соц. вестник» № 16/17) г. Дан дает такого рода оценку восточным революциям:

> «В то время как в начинающейся индустриализации этих (колониальных. *Н. Б.)* стран международный капитал уже находит могучую опору для своего укрепления и для давления на рабочее движение стран развитого капитализма, рабочие Китая, Индии и т. д. делают лишь первые шаги по пути классового оформления и классовой борьбы. Над ними тяготеют еще ослепляющие их движение и заводящие в тупик иллюзии, от которых лишь десятилетиями тяжелого исторического опыта освобождался пролетариат Западной Европы».

Куновы, Реннеры и К° разбивают «иллюзии» о возможности завоевания власти пролетариатом в центрах капиталистической промышленности, в основных узлах империалистской системы. Даны и К° поют с ними в общем хоре, разрушая «иллюзию» о самой возможности для колоний выйти за пределы капитализма.

Здесь следует заметить, что изображать нас как «народников», или «бакунистов» — это значит передергивать и играть краплеными картами. Именно мы за-

щищаем здесь самые ортодоксальные взгляды. Маркс нигде и никогда не выставлял такого положения, будто к а ж д а я страна должна пройти обязательно через фазу капиталистического развития, прежде чем можно будет поставить в ней задачу перехода к социалистическому обществу. Маркс был революционером, и Маркс искал такого исторического стечения обстоятельств, которые позволили бы «перепрыгнуть» через капиталистическую фазу. Он был чрезвычайно далек от всеобщей и универсальной теории, по которой все нации и страны, независимо от окружающей исторической среды, маршируют на плацу истории, как прусские солдаты, и обязательно должны всюду и везде пройти через капиталистическое чистилище, прежде чем войти в социалистический рай (формулы г. Реннера о к а п и т а л и с т и ч е с к о м рае тогда еще не были известны на нашей планете). Словом, М а р к с разделял как раз те самые «иллюзии», против которых ополчается г. Д а н, как он, впрочем, разделял и те «иллюзии» (о захвате власти, о разрушении капиталистического государства, о диктатуре пролетариата и т. д.), против которых теперь ополчаются Реннеры, Куновы и все другие первосвященники, кудесники и певцы капиталистического «порядка». По Марксу в о з м о ж н о такое положение вещей, когда особые исторические условия, т. е. особая историческая среда, особое историческое «окружение» могут способствовать непосредственному переходу докапиталистического социально-экономического уклада к социализму. Таким условием, в первую очередь, является п о м о щ ь победоносного пролетариата из других стран. Именно так ставили вопрос и Маркс, и Энгельс относительно России на историческом перевале в ее развитии.

В своем знаменитом письме в редакцию «Отечественных записок» Маркс писал о «судьбах капитализма в России»:

«...если Россия стремится стать нацией капиталистической по образцу западно-европейских наций, — а в течение последних лет она не мало потрудилась в этом направлении, — она не достигнет этого, не преобразовав предварительно доброй доли своих крестьян в пролетариев; а после этого, приведенная раз на лоно капиталистического строя, она подпадает под власть его неумолимых законов, как и всякая другая грешная (profane) нация. Вот и все Но этого слишком мало для моего критика. Ему непременно надо превратить мой очерк происхождения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию общего хода экономического развития, в теорию, которой фатально должны подчиниться все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они находятся, чтобы в конце концов притти к такому экономическому строю, который обеспечивает наибольшую свободу проявления производительных способностей общественного труда и всестороннее развитие человека. Но прошу у него извинения. Это значит делать мне много чести и в то же время много бесчестия (honte)».

Фридрих Энгельс держался того же мнения. Вот что писал он по поводу споров о русской общине (см. Архив Маркса—Энгельса, II, отд. III, стр. 267):

«Русская община давно уже пережила время своего процветания и, по всей вероятности, идет к разложению. Однако существует неоспоримая

возможность перехода ее в высшую форму общежития, ЕСЛИ только она сохранится до тех пор, когда обстоятельства позволят такой переход, и если она окажется способной к развитию в том смысле, что крестьяне станут обрабатывать землю не подворно, а всем миром; тогда русские крестьяне перейдут прямо к высшей форме, минуя промежуточную ступень буржуазной мелкой собственности. Но это может произойти только в том случае, если пролетариат Западной Европы совершит победоносную революцию еще до окончательного разложения русской общины и тем обеспечит потребные для указанного перехода условия — в особенности материальные средства, которые понадобятся русскому крестьянину для подобного коренного переворота во всей его хозяйственной системе».

Было бы дешевой и вульгарной отговоркой «опровергать» эти положения «реальным ходом событий». Ни Маркс, ни Энгельс нигде не говорили о неизбежности некапиталистического пути при всех условиях. Характер этого пути они ставили именно в зависимости от всей совокупности условий. Этих условий не получилось для России на пороге ее развития от феодально-крепостнической экономики. Но как можно заранее исключать такую возможность для Китая, Индии, Египта и т. д. теперь, в эпоху войн и революций, в эпоху, когда уже есть диктатура пролетариата в СССР? Разумеется, реальный ход событий будет решен практически, т. е. борьбой и только борьбой. Разумеется, теоретически не исключена и другая пер-

спектива, если на данном историческом этапе сложение классовых сил будет неблагоприятным для нашей перспективы. Но зарекаться от этого пути, да еще прикрываться при этом якобы «марксистским» плащом, это значит еще и еще раз предавать марксизм и дело пролетариата.

Мимоходом следует заметить, что вопрос о некапиталистическом развитии (т. е. возможности, при определенных условиях, социалистического развития) отсталых стран есть часть еще более общего вопроса, а именно вопроса о возможности социалистического развития докапиталистических экономических форм и форм простого товарного хозяйства (т. е. мелкобуржуазных укладов). Вопрос о крестьянских хозяйствах, о ремесленниках и кустарях и т. д. в условиях пролетарской диктатуры есть, по существу, тот же самый вопрос.

Итак, если наша программа исходит из оценки эпохи как эпохи пролетарских революций; если она исходит из оценки СССР как страны пролетарской диктатуры, то она в то же время исходит из возможности некапиталистического (т. е. социалистического) развития колоний и отсталых стран вообще, считая обязанностью всех коммунистов борьбу именно за этот путь развития.

д) Дискуссионные вопросы программы.

Необходимо теперь сказать несколько слов по поводу «дискуссионных вопросов» программы, вернее, тех вопросов, по которым на конгрессе развернулись до-

вольно энергичные дебаты, получившие, согласно поговорке, что «из спора рождается истина», свое действительное разрешение в принятой конгрессом программе. Само собою разумеется, что на конгрессе не было и не могло быть никаких разноречий по тем коренным вопросам, где лежит кровавая межа между коммунизмом и социал-демократическим предательством. Не вызывали никаких сомнений ни вопрос об «организованном капитализме», который якобы уничтожает кризисы и работает «по плану», ни вопрос об «ультра-империализме», который якобы уничтожает империалистские войны и, при помощи благословенной Лиги наций или американских президентов, водворяет «на земли мир и во человецех благоволение», ни вопросы демократии и диктатуры, советов и «экспроприации экспроприаторов» и т. д., и т. п. Была дискуссия, главным образом, по частичным вопросам.

Вопрос о финансовом капитале, его определении, его экономической природе, границах его мощи по сравнению с другими формами капитала, играл значительную роль в наших прениях.

Теория капиталистических кризисов вновь была поставлена на обсуждение, но оказалось, что на этот раз здесь уже не было серьезных разногласий, и все дело свелось к поискам наиболее удачных формулировок.

Вопрос об империализме, его развитии, пестроте этого развития (в первую голову подчеркивание того факта, что наряду с монополией сохраняется и свободная конкуренция) получил свое уточнение и гораздо более совершенное выражение.

Вопрос о социал-демократии, ее роли, социальных корнях ее относительной живучести, принад-

лежал к числу проблем, наиболее горячо обсуждавшихся и в программной комиссии и на самих пленумах конгресса. Здесь, в дискуссии, вопрос был обсужден со всех сторон: вновь прослежены и прощупаны и мелкобуржуазные корни социал-демократии, поскольку сам пролетариат рекрутируется из мелкобуржуазных слоев (крестьянство, ремесленники, кустари, мелкие торговцы и т. д.), и ее социальные корни, непосредственно связанные с империалистским развитием (вопрос о рабочей аристократии, о различном положении пролетариата в разных странах, о дополнительной прибыли, о коррупции вышеоплачиваемых слоев пролетариата и т. д.). Вопрос о сверхприбыли как резервном фонде буржуазии был всесторонне освещен и подработан (сверхприбыль от колониального грабежа; сверхприбыль от экспорта капитала в страны с более высокой нормой прибыли; сверхприбыль при обмене страны, технически более развитой, со странами отсталыми; сверхприбыль монопольного характера вообще и т. д.). Таким образом получил свое разрешение вопрос о сверхприбыли в странах, не имеющих «своих» колоний (Германия, Швейцария и т. д.). Эта широкая социальная основа социал-демократии, еще не уничтоженная, а лишь поколебленная кризисом капитализма, объясняет нам и то, почему на съезде германских реформистских профессиональных союзов изгоняют коммунистов и аплодируют буржуазному министру д-ру Курциусу, и то, почему на конгрессе трэд-юнионов принимаются резолюции о «промышленном мире», и то, что броненосные социал-демократы, вроде Мюллера, империалисты вроде Бонкура, фашисты вроде Альберта Тома — еще сидят в порах рабочего движения.

Вопрос о фашизме равным образом вызывал довольно страстные дебаты: одни считали всякую реакцию, всякое давление на рабочий класс, всякий режим репрессий — фашизмом; другие товарищи стояли на полярно-противоположной точке зрения: фашизм — не всякая реакция, а такая реакция, которая развивается в странах, не имеющих колоний, или в отсталых аграрных странах, и т. д., и т. п. После очень солидного обмена мнений здесь удалось найти совершенно правильную формулировку, ибо фашизм предполагает целый ряд особых, специфических, оригинальных черт (он вовлекает мелкобуржуазную массу, он подкупает часть мелкой буржуазии, а иногда и часть рабочего класса). Однако неверно, что он якобы исключен для стран, имеющих колонии, или стран промышленно-развитых: там, где капиталистический порядок потрясен, там, где положение буржуазии пошатнулось, там, где буржуазия без массы не может править, там, где нарастают элементы гражданской войны, — а все это может «случиться» и в высокоразвитых странах, — буржуазия прибегает к методу фашизма.

Вопросы хозяйственной политики пролетариата в период его диктатуры (нэп, военный коммунизм) вызвали, пожалуй, наиболее длительные прения, хотя и здесь огромнейшее большинство (все, за исключением единиц) стояло с самого начала полностью и целиком на базисе принятых решений. В проблеме нэпа дебатировались следующие вопросы: 1) «суть» новой экономической политики; 2) всеобщность или ограниченность ее применения; 3) ее варианты в разных странах, объем «новой экономической политики».

По вопросу о сути новой экономической политики конгресс единодушно пришел к тому, что этой «сутью»

является существование (и притом целесообразное существование) рыночных отношений, являющихся необходимой формой связи между государственной промышленностью и мелким хозяйством, распыленность и дробность которого как раз и проявляется в объективной необходимости рыночных отношений. Вот почему еще на IV конгрессе Коминтерна я, с одобрения всех товарищей, таким образом определял корни «новой экономической политики»:

«Я утверждаю, что пролетариат любой страны, становясь у кормила политической власти, сталкивается, как с наисущественнейшей, экономически-организационной проблемой, с проблемой соотношения между формами производства, которые данный пролетариат может рационально организовать и которыми он может планомерно управлять, и такими, которые он в начальной стадии своего развития не в состоянии рационализировать и которыми он не в состоянии планомерно управлять. Вот важнейшая экономическая проблема, с которой придется ему столкнуться. Если пролетариат не соблюдает правильной пропорции, т. е. возьмет на себя слишком много, он неминуемо очутится в следующем положении: производительные силы не только не будут развиваться, но окажутся скованными. Пролетариат не в состоянии единым взмахом организовать все. Он своими планами не должен насильственно вытеснять мелкого производителя, мелкого крестьянина, ведущего свое индивидуальное хозяйство. Взамен общественно-полезной функции этих слоев пролетариат ничего не получит. Процесс обращения останавли-

вается. Это означает дальнейшее понижение производительных сил и упадок экономической жизни вообще.

При таких условиях пролетариат окажется перед лицом еще одного явления. Беря на себя слишком много, он вынужден создавать колоссальный административный аппарат. Для выполнения экономических функций мелких производителей, мелких крестьян и т. д. ему потребуется слишком много служащих и администраторов. Попытка заменить всех этих мелких деятелей государственными чиновниками — называйте их как хотите, фактически это государственные чиновники — породит такой колоссальный аппарат, что расходы по содержанию его окажутся несравненно значительнее непроизводительных издержек, являющихся следствием анархического состояния мелкого производства; в результате вся эта форма управления, весь экономический аппарат пролетарского государства не облегчит, но лишь затруднит развитие производительных сил. В действительности он выльется в прямую противоположность тому, чем должен был бы быть, а потому железная необходимость заставляет сломать его. Явится ли это результатом контрреволюции, активного вмешательства мелкой буржуазии, или же аппарат будет сокращен и реорганизован самой партией, как это было в Советской России, — так или иначе, но это произойдет. Если это не сделает сам пролетариат, то другие силы свергнут его». (IV всемирный конгресс КИ. Избранные доклады, речи и революции. Стр. 192.)

Так увязывались еще на IV конгрессе вопросы классовой борьбы с вопросами экономической политики, вопросами планирования, вопросами пропорций между различными сферами хозяйства. Здесь наглядно показывалось, каким образом неправильная политика и ошибки руководства могут расставить классы так, что от диктатуры пролетариата останутся «рожки да ножки». Здесь совершенно ясно указывалась опасность мертвящего бюрократического сверхцентрализма, любое благое намерение проводников которого неизбежно превращается в собственную противоположность. Таким образом еще на IV конгрессе, при жизни Ленина и под его непосредственным руководством, была обоснована объективная необходимость «новой экономической политики». Понятно, что VI конгресс не мог не принять этой принципиальной ленинской установки.

Вопрос о всеобщности или «национальной» исключительности новой экономической политики по существу дела предрешается первым вопросом. Если основа «нэпа» состоит в рыночном «методе» связи между городом и деревней, вернее — между индустрией и крестьянским хозяйством, то фактическая наличность мелкобуржуазных хозяйств во всех странах решает этот вопрос совершенно определенным образом.

Другое дело — вопрос об объеме рыночных отношений (т. е. об «объеме нэпа»). Здесь неизбежны крупнейшие различия, соответствующие различиям в экономической структуре общества, степени «зрелости» экономических отношений. Переделать 25 миллионов крестьянских хозяйств со слабой индустрией и со слабыми командными высотами — для этого потребуется большое количество времени. Для этого потребуются

и особые организационные формы рыночной связи. В таких странах, например, кооперация крестьян будет играть поистине гигантское значение. А там, где есть мощная индустрия и где сравнительно незначительно количество крестьянских хозяйств, там рыночные отношения ликвидируются скорее. Процесс хозяйственной централизации, обобществления труда и, в меру этой централизации, процесс плановой организации хозяйства будет итти гораздо быстрее. Новая экономическая политика гораздо скорее пожрет самое себя.

Вопрос о разных типах стран должен был, естественно, занять подобающее место в программной дискуссии. Мы наметили 3 таких типа: страны высокого капитализма, страны среднего капиталистического строения, затем колонии и зависимые страны. Спор тут был о том, в какую рубрику отнести ту или другую страну. Для разных типов стран мы схематически наметили различный ход развития, не выдумывая его, конечно, «из чистого разума», а описывая его на основе большого революционного опыта, который в этих странах имелся на основе точного и конкретного анализа всей совокупности основных экономических и политических отношений в этих странах.

Таковы главные вопросы, бывшие дискуссионными.

е) Программа КП в целом.

Теперь необходимо перейти к более конкретной характеристике программы в ее целом.

В начале всего теоретического программного здания идет «Введение», где устанавливается преемственность между I и II Интернационалом — с одной стороны, и

III, коммунистическим Интернационалом — с другой, а также историческая преемственность между современным революционным коммунистическим движением и прежними революционными движениями рабочего класса в разных странах. В этом же «Введении» демонстративно заявляется, что Коминтерн стоит целиком на точке зрения диалектического материализма, на точке зрения марксизма-ленинизма.

Дальше идет первая глава, где говорится о мировой системе капитализма, ее развитии, обострении ее внутренних противоречий, ее неизбежной гибели; здесь дан анализ капиталистического общества вообще и отчасти анализ прошлой эпохи капиталистического развития, эпохи промышленного капитализма. Затем на заключительные абзацы первой главы сразу набегает вторая глава, которая рисует, как на основе общего движения капиталистической системы промышленный капитализм превращается в финансовый; как развиваются картели, тресты, банки; как они связываются в общий узел финансовым капитализмом; как на место свободной конкуренции становится монополия трестированного капитала; как капиталистический мир вступает в новую, империалистическую, фазу своего развития; как, в связи с этим, меняется соотношение сил; как объединяются разные фракции буржуазии, как выстраиваются рабочие ряды против империализма; как, в свою очередь, империализм ловит на удочку верхушку рабочего класса; как он подкупает национальную буржуазию; как обостряется антагонизм между силами рабочего класса и силами империализма, что — в конце концов — ведет к крушению империализма. Затем следует глава об общем кризисе капитализма и о первой фазе мировой революции.

Здесь программа ставит вопрос о реально развивающейся международной революции, наглядно изображая, как после войны разразился целый ряд революционных боев, которые не кончились, которые потухают в одном месте, чтобы разгореться пламенем в другом. Затем обрисован процесс изменения формы общего кризиса капитализма, борьба социальных сил в этом процессе, подлая роль социал-демократии и фашизма, анализ стабилизации капитализма, рост ее противоречий. Этим самым даны основные линии современного развития и очерчен процесс международной революции пролетариата, которая идет к своей конечной цели — мировому коммунизму. В следующей главе в общих чертах изображается, что будет представлять собой мировое коммунистическое общество и подступ к нему, его первая, зародышевая фаза, социалистический способ производства.

Нарисовав «конечную цель», программа ставит вопрос о переходном периоде (глава IV). Здесь анализируется и объективный ход развития, и в то же время устанавливаются на этой основе задачи пролетариата и пролетарской диктатуры. Здесь идет речь о проблеме завоевания власти, о советской форме диктатуры пролетариата, об экспроприации экспроприаторов, об основах экономической политики пролетарской диктатуры, о классах в этот период, о роли массовых организаций, о культурной революции, о разных типах стран, о разнородности и своеобразии переходного периода и специально о колониях. Изображая здесь общую картину разнородных фаз борьбы за диктатуру пролетариата в разных странах, мы должны были выделить специальную главку о СССР, о его роли в революционном процессе, о его обязанностях по отноше-

нию к мировому рабочему движению и об обязанностях международного рабочего класса по отношению к СССР. И, наконец, последняя глава. В ней более конкретно поставлены основные задачи стратегии и тактики Коминтерна. В начале этой главы программа дает анализ различных течений в рабочем классе и среди трудящихся масс вообще, течений враждебных коммунизму. Здесь дана и различная социальная база этих течений и их основная характеристика: систематически излагается идеология реформизма с его подвидами, дается характеристика сун-ят-сенизма, гандизма, гарвизма (или гарвеизма). После этого рисуются стратегические и тактические задачи КИ в его борьбе за мировую диктатуру пролетариата. Огненными словами «Коммунистического манифеста» заканчивается программа КИ. Ее принятие означает, без сомнения, крупнейшую веху в истории коммунистического движения. Это безусловно огромное событие в жизни КИ; выработка программы будет определять собою физиономию VI конгресса во всей дальнейшей истории нашего движения. Для самого движения программа будет играть великую объединяющую и направляющую роль.

3. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ЗАДАЧИ КИ.

а) Вопрос о стабилизации капитализма.

Уже проект программы давал определенную установку в оценке текущей фазы общего кризиса капитализма. Более подробный анализ ее должен был послужить исходным пунктом для определения тактической линии Коминтерна на ближайший период.

Гвоздь всей проблемы заключается в оценке особой формы общего кризиса капитализма, той формы, которая связана с так называемой стабилизацией капитализма. Нужно помнить, что на предыдущем, пятом, конгрессе Коминтерна вопрос о капиталистической стабилизации еще не поднимался. Но еще на III конгрессе Коммунистического Интернационала т. Ленин, — это теперь совершенно ясно, — отчетливо видел, что в мировом положении наметился довольно значительный перелом, что капитализм понемногу начинает выползать из непосредственного, острого послевоенного революционного кризиса. Именно в связи с этим т. Ленин объявил тогда бешеную борьбу так называемой «теории наступления» («offensivtheorie»), требовал применения тактики единого фронта, подчеркнул самым решительным образом необходимость выставить частич-

ные требования и лозунги и т. д. Ленин своим гениальным чутьем почувствовал, что произошел значительный перелом во всей мировой обстановке, что наиболее острая форма кризиса сменяется возможностью для капитализма известное время двигаться вперед. Более того. Еще на II конгрессе Коминтерна, в противовес тем, кто утверждал, что капитализм зашел в такой тупик, из которого ему никак нельзя будет выбраться, Ленин говорил, что абсолютно безвыходных положений не бывает, что буржуазия может временно найти выход и что этот вопрос может решить только борьба.

После V конгресса вопрос о стабилизации был поставлен и уже не сходил со страниц коминтерновских документов как центральный вопрос во всей оценке мирового положения. На VI конгрессе нужно было подвести итог целой полосе исторического развития и дать *такую* характеристику стабилизации, которая соответствовала бы теперешней ступени в ее развитии и, тем самым, в развитии *ее противоречий*. Какой смысл имеет сейчас определение стабилизации, как временной и частичной, когда мы совершенно ясно видим, что мировое капиталистическое хозяйство перешло за довоенный уровень, что подъем производительных сил капитализма в ряде важнейших капиталистических стран есть факт, что Северо-американские соединенные штаты или Германия имеют значительный технический подъем, принимающий, как говорит резолюция конгресса, «характер технического переворота»?

Если имеется налицо безусловный технический прогресс, если неоспорим рост производительных сил, если — на этой основе — чрезвычайно выпятился процесс трестификации производства, роста гигантских капиталистических монополий вообще, явно обрисовав-

шейся тенденции к государственному капитализму, то не означает ли это вообще, что послевоенный кризис капитализма просто-напросто ликвидирован? Именно так и решает вопрос социал-демократия. Некоторые наши товарищи, чтобы не попасть в ловушку социал-демократической идеологии, склоняются к отрицанию вышеприведенных фактов, попадая таким образом в другую, хотя и не социал-демократическую, «ловушку». В чем же заключается правильный ответ? В том, что все дальнейшее развитие капитализма идет в формах, созданных послевоенным кризисом, выражающих этот кризис и его дальнейшее течение, крайне обостряющих все противоречия капиталистической стабилизации. Одно существование СССР, как это ни неприятно социал-демократическим апологетам капитализма, есть выражение общего революционного кризиса капитализма: до войны капитализм был всеобщей формой господствующих отношений, — теперь мировое хозяйство раскололось на два принципиально враждебных друг другу «сектора». Раньше колонии были только объектом истории, — теперь они становятся ее субъектом. Раньше было относительное равновесие между Европой и Америкой, — теперь прежние отношения стали на голову, что вызывает целую гору противоречий нового порядка внутри самого капиталистического сектора. Раньше конфликт между производительными силами и покупательной способностью масс был непременной принадлежностью развития, — теперь это противоречие обострено с двух концов: послевоенное обнищание особенно резко подчеркивается техническим подъемом, и конфликт между ростом производительных сил и узким потребительским базисом получает особо острое выражение. На этой

основе каждое противоречие капитализма кричаще растет: погоня за рынками ставит в порядок дня военную опасность невиданного объема; нарушение равновесия между Европой и Америкой становится основой все более грозного американско-английского конфликта во всем его мировом размахе; развитие СССР побуждает капиталистов к подготовке контрреволюционной войны против него; сам технический прогресс и так наз. капиталистическая рационализация создают гигантских размеров хроническую безработицу; классовые отношения обостряются, колониальные конфликты продолжают развиваться, противоречия капиталистической стабилизации растут.

Эта оценка теперешней фазы общего кризиса капитализма формулирована в тезисе о третьем периоде в развитии этого кризиса. Резолюция КИ по этому поводу гласит:

«Третий период в своей основе есть период выхода экономики капитализма за довоенный уровень и почти одновременного выхода за этот уровень экономики СССР (начало так наз. «реконструктивного периода», дальнейшего роста социалистических форм хозяйства на базе новой техники). Для капиталистического мира этот период есть период быстрого роста техники, усиленного роста картелей, трестов, тенденций к государственному капитализму и в то же время период мощного развития противоречий мирового хозяйства, движущегося в формах, определяемых всем предыдущим ходом общего кризиса капитализма (суженные рынки, СССР, колониальные движения, рост внутренних противоречий империализма). Этот третий период, особенно резко

обострившийся противоречие между ростом производительных сил и суженными рынками, делает неизбежной новую полосу империалистических войн между империалистскими государствами, их войн против СССР, национально-освободительных войн против империализма и интервенций империалистов, гигантских классовых битв, все международные противоречия (противоречия между капиталистическими странами и СССР, военная оккупация Северного Китая как начало раздела Китая и борьбы между империалистами, и т. д.), обостряя внутренние противоречия в капиталистических странах (процесс полевения масс рабочего класса, обострение классовой борьбы), развязывая колониальные движения (Китай, Индия, Египет, Сирия), этот период неизбежно ведет через дальнейшее развитие противоречий капиталистической стабилизации к дальнейшему расшатыванию капиталистической стабилизации и к резкому обострению общего кризиса капитализма».

б) Военная проблема — основное звено ситуации.

Из этого анализа вытекает, что основным звеном ситуации является проблема военной опасности. Это вовсе не значит, что война разыгрывается в ближайшие месяцы или даже в ближайший год. Однако все международное развитие идет в этом направлении. Англо-американский всесветный конфликт и его развитие; американско-японская борьба за Китай и опорные пункты в Тихом оксане; французско-итальянское противоречие; постоянная угроза СССР со стороны капиталистических великанов, готовых послать в бой своих капиталистических янычаров — Румынию и Поль-

шу; интервенционная война в Китае; продолжающиеся вооружения, тайные соглашения и т. д.; стремительная подготовка тыла и, в связи с этим обуздание рабочих, террор, драконовские законы против пролетариата, все более вызывающие нападки на рабочие организации, приспособление внутренней политики к политике внешней, которая есть, в конце концов, политика подготовки к войне, — все это достаточно ярко иллюстрирует положение. В такой обстановке недооценка опасности войны и следовательно недостаточная борьба с ней есть основная опасность для пролетариата и его коммунистического авангарда. Это тем более правильно, что ни в один период развития капиталистического общества не было такого положения вещей, когда реальная подготовка к войне маскировалась бы так цинично и вместе с тем с таким разнообразием средств и обманных маневров, как это делается сейчас.

Нет в настоящее время ни одной силы, ни одной организации, кроме Коммунистического Интернационала, которая может разоблачить эту пацифистскую ложь, разогнать туман и ядовитые газы пацифизма. Стоит только посмотреть, каково расположение сил: самый крупный мировой хищник, американский империализм, выступает во-вне глашатаем «мира», он даже предлагает «запретить» войну. Каждый разумный человек спросит себя: как примирить ту бешеную военную подготовку, которую ведут С.-А. Соед. штаты, тот факт, что американский капитал душит Мексику, Никарагуа, что он имеет свои военные корабли в Китае и т. д., с тем, что он выступает с предложением о «запрещении войны»? Как объяснить то, что остальные империалистские хищники, включая Японию, которая захватила треть Китая, наступила на нее военным са-

погом и ведет там кровавую войну, — что все они подписались под бумажкой, на которой начертано: война запрещена. Все это представляет из себя маскарад, который должен прикрыть реальный ход событий. Весь этот маскарад, конечно, поддерживается социал-демократией. В таких условиях от нас требуется, чтобы мы беспощадно срывали эту маску, чтобы мы освещали перед рабочим классом вещи так, как они есть в действительности, чтобы мы прорывали строй пацифистской болтовни своим трезвым предупреждающим словом, чтобы мы ориентировали весь рабочий класс на систематическую подготовку борьбы против военной опасности и эту подготовку вели на деле, изо дня в день. Вот почему вопросу борьбы с войной должны быть соподчинены и вопросы повседневной политики секций Коминтерна точно так же, как и империализм любой свой шаг рассчитывает, в значительной мере, с точки зрения военной именно перспективы. Если английский буржуа, воскрешая «доисторические» времена, лишает политических прав профсоюзы, — он желает обеспечить себе тыл; если устами социал-демократических вождей английские, германские, американские и всякие другие буржуа проповедуют «промышленный мир», если верхушки профсоюзов срастаются с органами капиталистических трестов и капиталистическим государством,— то все это служит также и целям военной подготовки, если буржуазия сейчас террором истребляет коммунистов, то она делает это в виду военной перспективы. Маневренная политика буржуазии сейчас необыкновенно сложна. Международная буржуазия играет на богатой клавиатуре, она имеет прекрасно подобранный ассортимент орудий насилия и обмана, террора и христианских елейных речей, циничного подкупа и усыпляющего

пацифистского дурмана, дьявольских вооружений и ангельских веток мира. Она, с одной стороны, заключает тайные военные союзы, с другой — использует Лигу наций и выступает с пактом Келлога; она практикует террор и она же требует «мира в промышленности» и идет на подачки реформистской верхушке профсоюзов; она непрочь похвалить рабочих «своей» страны, если только они сидят спокойно, она подкупает верхушку рабочего класса, чтобы внести раскол в пролетарское движение, и дает директивы социал-демократическим бюрократам выгонять из профсоюзов революционные слои рабочих. Таким образом здесь налицо разветвленная система мероприятий, которые рассчитаны на длительные сроки и подчинены одной центральной идее — идее подготовки, при помощи социал-демократии, к грядущим военным столкновениям.

в) Лицо современной социал-демократии.

Изменения в объективной обстановке (особая форма стабилизации, трестирование, госкапиталистические тенденции и т. д.) по-другому поставили и вопрос о социал-демократии. Роль социал-демократии сейчас стала неизмеримо более подлой, чем она была даже в 1914 году. Верхушка социал-демократии является сейчас поистине цепным псом империализма. Она уже раскалывает в угоду капиталу рабочие организации, она выталкивает из профсоюзов коммунистов и просто революционных рабочих; она лезет из кожи вон, проповедуя мир с предпринимателями, с самыми злостными, с самыми хищными волками капитализма — банка, биржи, треста. Она собирается на общих конференциях с ними и в то же самое время ведет систематическую борьбу, идеологическую и политическую, против СССР. Верхушки

профсоюзов, верхушки социал-демократических партий прямо и непосредственно срастаются с верхушками трестов, с органами капиталистического государства и открыто стоят на точке зрения безоговорочной поддержки, активного строительства и безусловной защиты империалистического государства. Возьмите «славную» фигуру социалиста — Альбера Тома, это типичное воплощение социал-демократии. Человек, называющий себя социалистом, едет в Италию, чтобы лобызать сапог Муссолини и петь дифирамбы фашистской «свободе». Он имеет постоянное место службы в Лиге наций, т. е. в международной разбойничьей империалистской организации, заведуя там — не шутите! — «Отделом труда». В газетах уже сообщалось о том, что он посылает любвеобильное послание церковному собору потому-де, что их, социалистов, объединяет с отцами-иезуитами одна и та же мысль о «благе всего мира». Вот вам тип современного вождя социал-демократии. Ну что это такое? (Смех.) Тома, который уже выполнял свою миссию в России, уговаривая русских рабочих продолжать вести империалистскую войну и уговаривая Керенского постреливать этих русских рабочих во имя демократии, сыграет и впредь эту роль вербовщика пушечного мяса, подобно Вандервельде, бывшему в блоке не то что с «временным», но даже с царским правительством! Тома — это наиболее характерная фигура II Интернационала, его живая ходячая характеристика.

Эта позиция социал-демократии (срастания с капиталистическими организациями, политика раскола профсоюзов, политика поддержки империализма и т. д.) обусловила тот тактический поворот, который был еще задолго до конгресса выработан ИККИ по отношению к французской и английской компартии, поворот

в сторону более острой борьбы против социал-демократии. Этот поворот означал для обеих партий крупнейшую историческую веху в их собственном развитии. На VI конгрессе совершенно ясно стало, что этот тактический поворот должен быть углублен, продолжен, потому что тенденция социал-демократических партий к расколу рабочего движения стала общим явлением. Нашу борьбу с социал-демократией нужно обострить и в пропаганде, и в агитации, в повседневной нашей работе, в стачечной борьбе. Но из этого обострения нашей борьбы против социал-демократии отнюдь не вытекает, что нам нужно отказаться бороться за социал-демократического рабочего. Наоборот, проблема завоевания масс и, в первую очередь, завоевания масс, которые еще идут за социал-демократами, — а таких масс еще, к сожалению, много, — стоит сейчас еще более остро. На последних выборах в Германии, где коммунистическая партия одержала крупный успех, получив три с половиной миллиона голосов, социал-демократия получила девять миллионов голосов. Часть этих голосов социал-демократия получила за счет мелкой буржуазии, но все-таки у социал-демократии на миллионы больше рабочих голосов, чем у коммунистов. Это есть факт, с которым нужно считаться. Мы ни в каком случае не должны перестать бороться за этих социал-демократических рабочих; наоборот, чем резче ставим мы вопрос о подлой и предательской роли социал-демократии, тем выше мы должны поднимать знамя классового рабочего единства, тем энергичнее проводить классовую мобилизацию сил против верхушек социал-демократии, тем более умело мы должны на каждом частичном, повседневном вопросе, на каждой стачке, на каждом конфликте с пред-

принимателями бороться за социал-демократического рабочего.

г) Борьба за массы и единство пролетарских рядов.

Проблема борьбы за массы, проблема завоевания масс была и остается нашей основной тактической проблемой. Однако теперь у нас более выгодная позиция, даже в глазах отсталых слоев пролетариата. В начале войны предательство социал-демократии поставило перед коммунистами задачу раскола: мы должны были рвать с социал-демократическими вождями. Знамя раскола было отличительным нашим признаком, хотя виновниками раскола были социал-демократические герои 4 августа. Теперь никто из коммунистов тоже не может и помышлять о содружестве с социал-демократами. И тем не менее, именно потому, что компартии выросли, именно потому, что они уже стали массовой силой, именно потому, что они ведут действительную борьбу с капиталом, а социал-демократы раскалывают профсоюзы и объединяются с Мондами, Круппами, Лушерами, Морганами, — именно поэтому дело повертывается на 180 градусов. В новой «исторической среде» получается новое освещение фактов. Теперь только одна организация есть носитель единства рабочего класса в каждой стране; только одна организация есть носитель международного единства рабочего класса; только одна организация есть носитель идеи единства между рабочим классом и колониальными народами. И это — Коммунистический Интернационал. Коммунистов выгоняют из профсоюзов, потому что коммунисты растут. Но мы боремся за единство, мы практически его осуществляем, мы выбрасываем знамя единства профессионально-организо-

ванного рабочего класса в «национальном» и в международном масштабе, а борьба против нас еще более усиливается. Мы являемся действительными проводниками единства и можем на деле проводить это единство рабочего класса, в то время как II Интернационал и Амстердам демонстрируют картину национал-империалистской грызни и реформистского вышибания всех мало-мальски честных рабочих. Мы являемся носителями идеи единства с колониальными народами, в то время как реформисты пускают колониальные народы только в свою переднюю и издеваются над ними, подобно рабовладельцам из Лиги наций.

Вот как поворачивается история. Вот какой диалектический круг был описан. Знамя единства для нас не есть маневр, побрякушка, агитационный лакомый кусок. Ничего подобного! Мы действительно являемся единственной организацией, которая против единства с капиталистами, но за единство рабочих рядов, за реальное единство профессионально организованного пролетариата.

Противоречия капиталистической стабилизации, нажим на рабочий класс, возрастающая беспощадная, хищническая эксплоатация, чудовищная безработица в ряде стран, предчувствие зловещей военной полосы со всеми ее страшными и истребительными последствиями создают основу массового «полевения рабочего класса», рост его симпатий к СССР, стремление к отпору, жажду единства. Этот стяг единства снизу, единства против капиталистов, Коминтерн не должен выпускать ни на минуту. Повседневная борьба, работа в профсоюзах, руководство стачечными конфликтами, усиленная работа среди молодежи,

среди женщин-работниц, батраков, мелких крестьян, еще более крутой поворот в сторону масс, — таковы должны быть выводы из всей теперешней обстановки.

д) Внутрипартийные вопросы. Борьба с правыми уклонами—основная внутрипартийная линия.

Обстановка нашей борьбы в условиях стабилизации очень сложна, перед нашими партиями стоят не менее сложные задачи. Понятно поэтому, что внутренняя жизнь партий не может не отражать трудностей того пути, по которому мы идем, что в политике партий есть колебания в сторону от правильной ленинской линии. Если обобщить целый ряд фактов, характерных для большинства партий, если поставить вопрос о центральной опасности внутри Коминтерна, то нужно с полной ясностью констатировать, что центральной, главной и решающей опасностью внутри Коминтерна является сейчас правая опасность. После того как международная троцкистская оппозиция была разбита, после того как часть ее перешла, как это имело место в Германии, к социал-демократии, основная опасность внутри наших рядов, это — правая опасность. Наши партии работают бок-о-бок с социал-демократией, нам приходится вести в профсоюзах каждодневную борьбу. Ясно, что все это, при большой еще крепости социал-демократии, не может не вести к проникновению социал-демократического влияния в наши ряды. Нельзя забывать и о том, что в Коминтерне есть ряд партий, еще не обстрелянных свинцом. У нас есть партии, которые приезжают буквально с поля битвы, которые развиваются под жестоким режимом белого террора, но есть также ряд партий, которые еще не подвергались серьезным боевым испытаниям. Как пример, можно

привести чехо-словацкую партию, которая выросла из соц.-демократической партии, ни разу не была в непосредственном массовом бою, которая ни разу еще не была по-настоящему взята в тиски буржуазной диктатуры. Настоящей проверки у этой партии еще не было. А та проверка, которую устроила себе сама партия, так называемый «красный день», когда нужно было мобилизовать массы и вести их на улицу, окончилась очень плохо. Мы принимали ряд резолюций насчет чехо-словацкой компартии, но сейчас мы имеем наглядный показатель того, что верхушка партии и местные организации далеко не освободились от своего социал-демократического прошлого.

В том или другом виде правые тенденции существуют во всех партиях.

Во Франции они проявляются в оппозиции тактическому повороту, совершаемому партией, в пережитках парламентских иллюзий, в недооценке предательской роли «левого» крыла социалистов, в излишнем подчинении буржуазной легальности.

В Англии правые уклоны, прежде всего, выразились в сопротивлении проведению новой тактики в отношении рабочей партии, в недостаточной работе по разоблачению верхушки рабочей партии и Генсовета и так далее.

В Германии правые тенденции проявляются в оппозиции решениям V конгресса Профинтерна, в ломке партийной дисциплины во имя дисциплины профсоюзов, в лозунге «рабочего контроля», в неверной оценке «левого» крыла социал-демократии.

В компартии САСШ правые ошибки заключались, ранее всего, в неверной политике по отношению к социалистам.

Этот список можно было бы увеличить, но и этих примеров достаточно. В той части общих тезисов, где говорится о внутрипартийном положении, конгресс вменил в обязанность всем членам Коммунистического Интернационала настойчиво бороться с правой опасностью, в то же самое время решительно преодолевая такие течения, такие оттенки внутри коммунистических партий, которые недооценивают эту опасность. В отдельных партиях центральной опасностью является «левая» опасность. Например, в самое последнее время в нашей китайской компартии, которая страдала оппортунистическими ошибками, была опасность таких «левых» уклонов, которые могли бы погубить всю партию. Она состояла в том, что, когда спала уже революционная волна, когда значительные кадры нашей партии были физически истреблены, когда новая революционная волна еще не поднялась, чуть ли не из-под палки организовывались в некоторых районах восстания, заранее обреченные на неудачу. Это вело к дальнейшему истреблению лучшего кадра коммунистов. Нам нужно было решительно повернуть руководство всей партии в сторону борьбы за массы, и мы это сделали. Но, повторяю, если мы возьмем весь Коммунистический Интернационал в целом, то VI конгресс совершенно правильно в качестве центральной опасности подчеркивал именно правую опасность.

Из области внутрипартийных отношений мы должны были также особо подчеркнуть опасность фракционной борьбы и необходимость консолидации партий. За последние годы в ряде стран фракционная борьба переходила всяческие границы: так было в югославской партии, где фракционная борьба, не оправдываемая принципиальными разногла-

сиями, длилась около 7 лет, причем поставила партию почти на грань полного развала. Мы помогли этой партии выйти на дорогу деловой работы только тем, что дали возможность выдвинуться новым кадрам, и это сейчас же улучшило положение. Мы имеем такое же положение в польской партии, которая стоит на самом ответственном посту, где действительные политические разногласия совершенно незначительны, но где в результате ожесточенной фракционной борьбы дело дошло до раскола важнейшей организации, а именно варшавской организации. По всем этим вопросам мы вынуждены были принять специальные решения и притом с большой надеждой на успех. Вопрос о консолидации мы должны были подчеркнуть по отношению ко всем партиям. Мы поставили перед партиями также задачу повышения теоретического уровня коммунистов, сплочения основных руководящих сил партии и привлечения к руководству всех способных товарищей, которые стоят на позиции Коминтерна. Мне пришлось на конгрессе привести мудрое правило Ленина, который писал мне и т. Зиновьеву: если вы будете держать только послушных дураков и отталкивать не совсем послушных, но не глупых людей, то вы партии загубите наверняка. Мы считаем, что это правило нужно помнить и его держаться. Оно, однако, не должно переходить в нечто другое, а именно в излишнюю терпимость по отношению к уклонам. Против уклонов надо бороться и их преодолевать. Это само собой разумеется, это — азбучная истина для всякого большевика. Но в таком «хозяйстве», как наши партии, при крайне недостаточном руководящем кадре, ленинское правило нужно всемерно помнить.

Поднятие теоретического уровня стоит как одна из важных задач почти во всех партиях без исключения. Необходимо, однако, сказать, что дискуссия по программе обнаружила рост компартий и вширь и вглубь. Тем не менее потребности движения растут быстрее, чем средства их удовлетворения, и поэтому необходимо усилить работу и на этом фронте. Сложность обстановки и сложность задач, выдвигаемых этой обстановкой, в возрастающей степени требуют все более квалифицированного руководства, т. е. руководства, соединяющего практическую хватку, политический опыт и теоретическую выдержанность.

Обострение борьбы с социал-демократией, усиление борьбы за массы, тактика единого фронта снизу, улучшение работы в профсоюзах и всех массовых организациях пролетариата, пропаганда единства рабочих рядов, борьба с правыми уклонами внутри партий, сплочение и консолидация партий, решительное преодоление фракционных распрей и дружная контратака против наступающего капитала, с постановкой в центре всей борьбы вопроса о военной опасности, — таковы должны быть наши очередные задачи в важнейших странах капитализма. Само собой разумеется, что все и всякие частичные лозунги должны быть соподчинены лозунгу пролетарской диктатуры.

4. ВОПРОС О БОРЬБЕ С ВОЙНОЙ И ВОПРОС О КОЛОНИЯХ

По вопросу о военной опасности принципиально нового ничего не было сказано по сравнению с резолюцией VIII пленума ИККИ. Была выработана обширная резолюция на базисе наших прежних решений. Часть этих решений не подлежит опубликованию, ибо они не должны быть известны нашим классовым врагам. Наша антивоенная работа связана с переходом на нелегальное положение части наших партийных организаций, она связана с усилением нелегальных форм и методов борьбы.

Колониальный вопрос, который занимал одно из главных мест в работах VI конгресса, был до известной степени уже затронут при анализе вопроса о программе. В программе конгресс дал принципиальную постановку колониального вопроса. Но конгресс специально обсуждал этот вопрос, как особый пункт порядка дня, и посвятил ему значительную часть своего времени. Понятно, что основой для решений VI конгресса должны были остаться решения II конгресса, написанные т. Лениным. Однако со времени II конгресса произошло много перемен и накопился огромный опыт в ряде колониальных стран, не только в Китае, где

бурные события китайской революции поставили и решили ряд сложнейших тактических вопросов, где произошло невиданное обогащение опыта, и притом массового опыта; восстание в Индонезии, борьба в Сирии, Египте, Марокко; опыт борьбы в зависимых странах Южной Америки, наконец, движение в Индии, — все это дало материал для гораздо более разработанных, гораздо более конкретных решений «колониального вопроса». Споры, которые были на конгрессе, развивались по двум линиям: во-первых, споры о роли империализма по отношению к колониям, и, во-вторых, о том, как нужно оценивать роль буржуазии в национально-освободительных революциях, в особенности в Индии. Уже постановка первого вопроса предполагает известное разделение его. Дело в том, что нельзя стричь под одну гребенку экономически зависимые страны Южной Америки, английские доминионы и т. д., с одной стороны, Индию и Китай — с другой. Ход развития, роль капитала метрополий, международное положение (сравните, например, Канаду и Индию) — все здесь глубоко различно. Поэтому нельзя давать общих решений, если они только хотят претендовать на какую-либо конкретность. Конгресс сосредоточил свое внимание на оценке китайского опыта и, главное, на проблемах Индии.

Китайская проблема уже достаточно известна. Сейчас предстоит очень большой индийский «опыт». Индия — страна огромных размеров, с колоссальным народонаселением. Она находится сейчас в состоянии глубочайшего брожения. Отвечая на первый вопрос, конгресс отметил глубоко-противоречивую роль империализма в Китае и особенно в Индии: империализм способствует до известной степени развитию капита-

лизма в этих колониях, но он в то же время задерживает это развитие, тормозит развитие производительных сил, вызывает обнищание крестьянства, держит на маленьких клочках земли огромное количество пауперов, суживает внутренний рынок промышленности, задерживает рост этой последней и искусственными мерами специально тормозит развитие таких производств, как машиностроение, металлическую и металлургическую промышленность и т. д. Так был решен вопрос об империализме. А по вопросу о национальной буржуазии конгресс указал, что для таких стран, как Индия, возможны известные временные соглашения с буржуазией от случая к случаю, но о создании общей с буржуазией партии или о длительном соглашении с буржуазией не может быть и речи. Уже теперь необходимо разоблачать ее половинчатость, ее колебания, ее заигрывания с империализмом. Уже теперь необходимо указывать рабочим на неизбежность перехода буржуазии в контрреволюционный лагерь. Главная задача — создание самостоятельной партии пролетариата, ее массовая работа, завоевание профсоюзов, организация крестьянских союзов, широчайшая пропаганда аграрной революции и изгнание империалистов и т. д.

Если индийскую буржуазию отнюдь нельзя ставить на одну доску с контрреволюционной китайской буржуазией текущих дней, то, с другой стороны, в Индии совершенно исключено такое положение, которое было реальностью в Китае, где буржуазия играла в течение ряда лет революционную роль. Такая перспектива в Индии исключена, ибо подъем массового движения сразу поставит ребром такие вопросы, которые отбросят буржуазию в лагерь контрреволюции.

Конгресс специально остановился на позиции II Интернационала в колониальном вопросе, дав настоящую классовую оценку его роли как жалкой агентуры империалистских правительств и Лиги наций, с уставов которой они списывают свои «нормы» по отношению к колониям.

5. СССР, ОППОЗИЦИЯ В ВКП (б) И ВОПРОС О МЕЖДУНАРОДНЫХ ТРОЦКИСТСКИХ ГРУППКАХ.

Особым вопросом стоял вопрос о СССР и ВКП(б). Вопрос о ВКП(б) и СССР был поставлен с точки зрения подведения итогов развития диктатуры пролетариата в нашей стране и итогов нашей борьбы с троцкистской оппозицией. Эта борьба с троцкистской оппозицией сопровождалась борьбой и с соответствующими идеологическими течениями в целом ряде других стран: в Германии, Франции и Италии. Сочувствующая троцкистам группа Бордиги прислала довольно веселое заявление, где предлагает следующее: VI конгресс Коммунистического Интернационала должен выбрать своим председателем Л. Д. Троцкого; VI конгресс Коминтерна должен исключить из Коммунистического Интернационала всех голосовавших за решение XV съезда ВКП (б). (Смех.) Это «предложение», конечно, не рассматривалось ни конгрессом, ни какой бы то ни было комиссией.

Конгресс с исключительным единодушием одобрил решения XV съезда партии, а ряд деклараций от имени важнейших секций КИ особенно подчеркнули глубочайшую солидарность и с СССР, и с ВКП(б), и с героическим рабочим классом нашей страны.

Конгрессу были поданы апелляционные заявления со стороны ряда оппозиционных группировок — сапроновцев, троцкистов, французской группы Сюзанны Жиро, германской группы Маслова и т. д. Некоторые товарищи спрашивают: раскаялись ли оппозиционеры? Они ни капли не раскаялись; правда, соответствующие документы формулированы в более вежливой и мягкой форме, чем прежние документы (видно, люди кое-чему научились), но в более мягкой форме они ставят те же вопросы и выдвигают те же обвинения, что и раньше. Ходят разговоры, что троцкистская группа прислала в противовес нашему проекту программы свой проект. Должен сказать, что в присланных критических замечаниях по поводу нашего проекта программы мы ничего дельного и серьезного не нашли. В троцкистских замечаниях повторяются те же вещи, о которых троцкистская оппозиция неоднократно писала: о строительстве социализма в одной стране, об англо-русском комитете и о Китае.

Относительно других документов Троцкого могу сказать, что в одном из них выдвинуто положение: пленум Центрального комитета, отменив чрезвычайные мероприятия по хлебозаготовкам, чуть ли не предал Октябрьскую революцию. (Смех.) Как конгресс реагировал на все это, вы знаете, вероятно, из резолюции. Все апелляции, поскольку они не обнаружили никакого следа ни раскаяния, ни других соответствующих чувств и настроений, конгресс отклонил. Таким образом мы, видно, надолго потеряли апеллянтов, так как конгресс, это — последняя инстанция, к которой они могли апеллировать. Но должен сказать, что если мы потеряли этих людей, то зато мы вновь приняли семь новых партий, главным образом южно-американских. Мы

думаем, что такого рода обмен вполне целесообразен. (Смех.)

* * *

Товарищи! Наш конгресс, принятые им решения и в первую очередь программа являются свидетельством нашей растущей силы. Принятие новых партий в присутствии представителей пролетариев всех внеевропейских стран и многочисленных колоний обнаруживает большой размах нашего движения. Мы не только европейская, не только европейско-американская сила: мы действительно стали сейчас мировой силой. Наша коммунистическая организация стала подлинным международным товариществом рабочих.

В результате первого тура империалистских войн мы получили первоклассную политическую организацию, какой является Коммунистический Интернационал, и крепчайшее государство рабочей диктатуры, каковым является СССР. Пролетарская диктатура праздновала не так давно десятилетие со дня своего рождения. Коммунистический Интернационал в будущем году будет праздновать десятилетие своего существования. Но во всей нашей истории одним из самых торжественных моментов был момент, когда на VI конгрессе принималась программа Коммунистического Интернационала. У каждого делегата из Эквадора и из Германии, и из Китая, и из Южной Америки было одно чувство: теперь мы выросли настолько, что в едином стремлении, в единой воле, в единой системе мысли объединяем многомиллионные ряды самых энергичных, самых верных бойцов пролетариата.

Мы должны сейчас понести решения конгресса, нашу программу, которая есть наше знамя и наш путе-

водитель, в массы. Мы можем спокойно смотреть в глаза тем опасностям, которые ждут нас на нашем тяжелом пути. Мы закончили проект программы лозунгом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» С этим лозунгом, с более отчетливой мыслью, с более отчетливым сознанием наших задач мы выйдем сейчас в массы, чтобы эти массы завоевывать, чтобы сплачивать их под нашим знаменем, для решительной борьбы с социал-демократией и с международным империализмом, чтобы вместе с этими массами добиться решающих побед. (Бурные продолжительные аплодисменты.)

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
1. Общая характеристика VI конгресса и его работ	3
2. Программа коммунистического интернационала	7
а) Форма программы	—
б) Мировой характер программы	9
в) Наша программа — программа борьбы за мировую диктатуру пролетариата	12
г) Империализм, социализм и перспективы колониальных революций	18
д) Дискуссионные вопросы программы	23
е) Программа КИ в целом	30
3. Международное положение и задачи КИ	34
а) Вопрос о стабилизации капитализма	—
б) Военная проблема — основное звено ситуации	38
в) Лицо современной социал-демократии	41
г) Борьба за массы и единство пролетарских рядов	44
д) Внутрипартийные вопросы. Борьба с правыми уклонами — основная внутрипартийная линия	46
4. Вопрос о борьбе с войной и вопрос о колониях	51
5. СССР, оппозиция в ВКП(б) и вопрос о международных троцкистских группках	55

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ
ПЕРЕД ШЕСТЫМ ВСЕМИРНЫМ КОНГРЕССОМ
Обзор деятельности ИККИ и секций Коммунистического Интернационала между V и VI конгрессами
Стр. 444. Ц. 4 р.

ПАРТИИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА
СПРАВОЧНИК ПРОПАГАНДИСТА
Сборник статей о важнейших секциях Коминтерна
Под ред. Д. Петровского
Стр. 205. Ц. 1 р.

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ И ВОЙНА
Документы и материалы о борьбе Коминтерна против империалистической войны и в защиту СССР
Стр. 108. Ц. 75 к

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ МОЛОДЕЖИ ЗА ЧЕТЫРЕ ГОДА
Обзор деятельности КИМа и его секций за период между IV и V всемирными конгрессами
Стр. 206. Ц. 2 р.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

КОМИНТЕРН

ХОЗЯЙСТВО, ПОЛИТИКА И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ ЗА 1924—1927 годы

Стр. 1133 + 2 карты. Ц. в коленкор. перепл. 8 р.

ПРОГРАММА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

ПРИНЯТАЯ КОНГРЕССОМ
1 сентября 1928 г. в Москве

Стр. 121. Ц. 20 к.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ

МИФ П.

КИТАЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ В КРИТИЧЕСКИЕ ДНИ

Научно-исследовательский Институт при университете трудящихся Китая

Стр. 272. Ц. 1 р. 75 к.

*

ВЫХОДЯТ ИЗ ПЕЧАТИ

ГРАНСБЕРГ и АНСБОР

КОЛОНИАЛЬНЫЙ МИР

(Справочник пропагандиста) 8 п. л.

*

РОЙ М. Н.

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ И КИТАЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

15 п. л.

*

ИРАНДУСТ

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ КЕМАЛИСТСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

*

СЛОБОДСКИЙ

СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ ФАШИЗМА

*

КРУСИКЕН

VI КОНГРЕСС КОМИНТЕРНА О РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ В КОЛОНИЯХ И ПОЛУКОЛОНИЯХ

2 п. л.

15 коп.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ШЕСТОЙ КОНГРЕСС КОМИНТЕРНА

Н. И. БУХАРИН

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ЗАДАЧИ КОМИНТЕРНА

Отчетный доклад Исполкома Коминтерна и заключительное слово на VI Конгрессе Коминтерна

Стр. 174. Ц. 35 к.

*

В. МОЛОТОВ

ШЕСТОЙ КОНГРЕСС И БОРЬБА ЗА КОММУНИЗМ

Доклад на Ленинградском активе ВКП (б) 7 сентября 1928 г.

*

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ О ВКП (б)

Декларации компартий на VI Конгрессе Коминтерна

Стр. 31. Ц. 6 к.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА
ТРЕБУЙТЕ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ „КОМИНТЕРН“